

Протопопов Иван Алексеевич

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ГЕГЕЛЕВСКОЙ "ФИЛОСОФИИ ПРАВА"

В статье анализируется гегелевская концепция свободы, выдвигаемая им в "Философии права". Выявляется, что понятие свободы не исчерпывается у Гегеля самоопределением воли отдельного индивида, но представляет субстанциальную природу и конечную цель развития всеобщего духа в мировой истории. Автор показывает, что мировой дух, воплощающий себя в форме государства, не ограничивает свободу индивидуума, но образует ее подлинное основание, обеспечивая возможность ее осуществления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Если подойти к историческому творчеству как процессу последовательных преобразований, которые осуществляются в ходе человеческой практики, то традиция, встроенная в процесс исторического обновления, обеспечивает устойчивость, стабильность в потоке изменений. Благодаря традиции происходит воспроизводство прошлых социально-значимых общественных отношений, образцов поведения, форм деятельности в настоящем. Отсюда – элементы стабильности в современной жизни, которая стремится к обновлению. Через традиции обретаем чувство бытия, которое «есть», т.к. прошлое – это наши реализованные возможности. В настоящем с его веером потенциальных возможностей человек нередко теряет «почву под ногами», действительность ускользает от него, и обрести чувство уверенности помогает традиция, устоявшиеся нормы, ценности, обычаи. То новое, которое не имеет онтологических «корней», чаще всего не жизненно или деструктивно, оно расшатывает бытие, лишает его устойчивости. История знает немало новаторов, деятельность которых вела к социальной дестабилизации по причине отчужденности их от традиций народа. Через взаимосвязь с традицией новое выступает конструктивным фактором истории и в этом качестве является подлинным критерием исторического творчества, которое по своей сущности созидательно.

Список литературы

1. Бугалин А. В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 36-47.
2. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.
3. Зинченко И. С. Проблема подлинности творческой деятельности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30). Ч. 2. С. 78-84.
4. Кафаров Т. Э. Традиция как социокультурный феномен // Философские исследования. 2001. № 1. С. 142-152.
5. Козин Н. Г. Есть ли будущее у России? Критика исторического опыта современности. М.: Норма, 2008. 464 с.
6. Симонян Р. Х. Субъективное в историческом процессе (к двадцатилетию российских экономических реформ) // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 12-23.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

HISTORICAL CREATIVITY AS PROCESS OF FORMING THE NEW

Ovcharova Elena Vyacheslavovna

*Nizhnii Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin
ovcharovael@rambler.ru*

The author analyzes historical creativity in the context of its essential feature – forming the new as the result of people's creative activity, pays special attention to the personality's creative potential, conditioned by his (her) individual qualities, tells that the temporal aspect of forming the new in history is based on the consideration of the correlation between creativity and tradition, and estimates the role of tradition as a factor that ensures life stability under the conditions of renovation.

Key words and phrases: historical creativity; forming the new; personality; social reality; historical process; tradition.

УДК 111.82

Философские науки

В статье анализируется гегелевская концепция свободы, выдвигаемая им в «Философии права». Выявляется, что понятие свободы не исчерпывается у Гегеля самоопределением воли отдельного индивида, но представляет субстанциальную природу и конечную цель развития всеобщего духа в мировой истории. Автор показывает, что мировой дух, воплощающий себя в форме государства, не ограничивает свободу индивидуума, но образует ее подлинное основание, обеспечивая возможность ее осуществления.

Ключевые слова и фразы: идея свободы; дух; государство; конечная цель мировой истории; нравственная субстанция; всеобщее самосознание.

Протопопов Иван Алексеевич, к. филос. н., доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
stiff72@mail.ru*

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ГЕГЕЛЕВСКОЙ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА»[©]

Сущность духа, как утверждается в начале гегелевской «Философии духа», – это свобода как независимость самосознания от всего сущего в его отношении к самому себе. Дух, который полагает себя самого в качестве свободного, есть такое единство понятия и объективности, которое выражает себя, прежде всего,

в виде разумной воли [2, с. 25]. Однако эта разумная воля, понятая в виде свободной воли сознающего себя индивида, есть только понятие абсолютного духа [Там же, с. 324]. Это понятие проявляется, согласно Гегелю, прежде всего, в конечной субъективной воле, которая, будучи направлена на развитие духа, способна выразить его содержание в форме объективного наличного бытия, относящегося к государству [Там же].

В этом отношении государство в гегелевской системе выражает собственное действительное бытие всех конечных самосознаний, обретающих в нем свою бесконечную самость. В то же время бесконечная самость всеобщего духа осуществляет себя как абсолютный сознающий себя субъект только через безусловное единство самосознания различных конечных индивидуумов и становится действительной через их деятельность. Как всеобщее объединение людей под властью единого законодательства, государство представляет для каждого индивида действительность его свободы, действующей в свободном единстве с другими в соответствии не просто с правовым, но именно с абсолютным нравственным законом.

Казалось бы, в случае гегелевского государства речь должна идти о всеобщей воле, которая, будучи абсолютной и божественной, полностью отличается от воли конкретного индивида, используемой ею только как средство для достижения высшей цели мировой истории. Подобного рода понимание гегелевской философии характерно, например, для Кьеркегора, который был уверен в том, что с точки зрения гегелевской «всемирно-исторической», но чисто «количественной» и внешней по отношению к единичной самости диалектики «отдельные индивиды исчезают в общечеловеческом; ни ты, ни я, никакой отдельно существующий человек не различимы для этой диалектики, – даже когда прибегает к мощным увеличительным стеклам для рассмотрения конкретных явлений» [4, с. 379]. Датский мыслитель считал, что «абстрактное мышление поворачивается от конкретного человека к человеку вообще», тогда как субъективный мыслитель, т.е. мыслитель, размышляющий о сущности человека, исходя из его собственного единственного бытия, «стремится понять абстрактное определение истинно человеческого в пределах конкретных условий данного единично существующего человека» [Там же].

Однако вопреки данной интерпретации Кьеркегора каждый единичный человек, согласно Гегелю, вовсе не является лишь средством для всеобщей разумной воли, которая, напротив, выступает собственной в себе сущей волей каждого человека, познающего в ней свою высшую сущность. Как отмечает Гегель в Предисловии к «Философии права», «в вышеуказанном чисто внешнем смысле люди всего менее относятся к цели разума как средства; они, пользуясь представляющимися при этом удобными случаями, не только добиваются одновременно с осуществлением этой цели и осуществления своих частных целей, по своему содержанию отличных от цели разума, но они причастны и самой вышеупомянутой разумной цели и именно поэтому они являются самоцелями, – самоцелями не только формально, как живые существа вообще, индивидуальная жизнь которых сама является по своему содержанию чем-то уже подчинённым человеческой жизни и может быть по праву использована как средство, – но люди являются самоцелями и по содержанию цели» [3, с. 85].

Под это определение, разъясняет далее свою позицию Гегель, «подходит именно то, изъятие чего из категории средства мы требуем, а именно – моральность, нравственность, религиозность. Дело в том, что человек является целью в себе самом лишь благодаря тому божественному началу, которое имеется в нём, и которое сперва было названо разумом, а поскольку оно проявляется в деятельности и само себя определяет, – свободой» [Там же]. Нравственная субстанция государства и её божественный закон – это вовсе не закон иной высшей воли, которая обладает своим самостоятельным бытием совершенно независимо от нашего его познания. Напротив, эта высшая воля обретает своё конкретное действительное бытие только благодаря своему самосознанию в нашем разуме и реальному действию нашей воли в чувственно воспринимаемом мире.

Человеческое самосознание, познавая себя в своей всеобщей самости, каковая воплощает божественную нравственную субстанцию, достоверно знает само себя в государстве как абсолютную сущность самой действительности, но точно так же божественная сущность обретает в этом человеческом всеобщем самосознании своё действительное бытие как абсолютный реальный субъект. Бог обладает своим собственным самосознанием как действительным в наличном бытии государства благодаря тому, что он представляет собственную достоверность всеобщего самосознания каждого индивида в его самости, для которой и в которой он существует. Если Кьеркегор считает, что индивид в самом своем бытии не обладает никакой действительной всеобщей природой и существует сам для себя только в некоем абсолютно единичном бытии, то Гегель, напротив, уверен, что единичное может существовать как единичное, только если оно в самом себе осуществило себя в своей всеобщности. Поэтому никакого единичного бытия, которое было бы противоположно всеобщему или, по крайней мере, не включало бы его в свое определение, в принципе не может быть [5, с. 54].

Конкретный индивид, согласно положениям гегелевской философии истории, используется мировым духом как средство в своём развитии и реализации именно потому, что он ставит себе высшей целью своего бытия удовлетворение своих чувственных страстей, а не познание и осуществление всеобщей разумной воли этого духа как своей собственной. Нравственный дух как сознающая сама себя субстанциональная воля государства собственно и представляет собой в гегелевской философии определенный в своей всеобщности нравственный закон или законы, выступающие абсолютными принципами умопостигаемой действительности, как она реализуется в чувственно воспринимаемом мире: «объективно нравственное, вступающее на место абстрактного добра, есть субстанция, ставшая конкретной через субъективность как бесконечную форму. Поэтому она полагает в себе различия, которые, следовательно, определены понятием; благодаря этому нравственное обладает прочным содержанием, которое в себе необходимо и обладает прочным пребыванием, стоящим выше субъективного мнения и желания; это в себе и для себя сущие законы и учреждения» [3, с. 200].

Тем самым нравственные законы выступают в виде субстанциональной всеобщей сущности индивидов, в которой они обретают высшее основание своего бытия, но таким же образом в существовании и всеобщем действии этих индивидов в себе сущая абсолютная воля реализует своё самосознание и действительное бытие. В этом отношении как раз именно «*право индивидов на своё субъективное определение к свободе*» находит своё осуществление в том, что они принадлежат к нравственной действительности, поскольку их *уверенность* в своей свободе имеет в такой объективности свою *истину* и они *действительно* обладают в нравственном *своей собственной* сущностью, своей *внутренней* всеобщностью» [Там же, с. 207]. Государство представляет собой у Гегеля в этом отношении также осуществление правовой свободы отдельного индивидуума со всеми его интересами и потребностями, связанными с семьей и гражданским обществом.

Государство есть «действительность конкретной свободы; конкретная же свобода состоит в том, что личная единичность и её особенные интересы получают своё полное *развитие* и *признание своего права* для себя (в системе семьи и гражданского общества) и вместе с тем посредством самих себя частью *переходят* в интерес всеобщего, частью своим знанием и волей признают его именно как свой собственный *субстанциональный дух* и *действуют* для него как для своей *конечной цели*» [Там же, с. 286]. Вывод, который делает отсюда Гегель, звучит следующим образом: «таким образом, ни всеобщее не обладает значимостью и не может быть совершено без особенного интереса, знания и воления, ни индивиды не живут только для особенного интереса в качестве частных лиц, но волят вместе с тем во всеобщем и для него и действуют, осозная эту цель» [Там же]. Подлинная сила и глубина новоевропейского государства, по мысли Гегеля, состоят как раз в том, что оно предоставляет возможность принципу субъективности достигнуть полного завершения в качестве обладающего в себе самостоятельным бытием, но в то же время возвращает его в субстанциональное объективное единство, сохраняя его в самом этом принципе.

В противоположность ограниченным истолкованиям гегелевской философии сам Гегель видит сущность государства в том, что всеобщее в нем связано с полной свободой особенности и благоденствием индивидов в семье и гражданском обществе. Всеобщая цель государства как целого, отличающаяся от этой стороны особенного бытия индивидов, в принципе не может достигаться без собственного особенного знания и воления индивидов, которые должны сохранять свое право на самостоятельное бытие в этом всеобщем. Более того, частная свобода и её реализация становятся возможны только благодаря государству и его законам и вне государства в принципе не могут существовать. Государство есть высшая власть, благодаря которой каждый индивидуум обретает свое собственное самостоятельное бытие в его особенности, но именно поэтому всеобщая цель государства выступает также и его собственной имманентной целью. Индивиды в такой же мере имеют обязанности по отношению к государству, в какой они обладают в нём своими правами.

Так как индивиды, «из которых состоит множество, сами – духовные естества и, следовательно, содержат в себе двойственный момент, а именно крайность *для себя* знающей и волящей *единичности* и крайность знающей и волящей субстанциональной всеобщности, и поэтому достигают права этих обеих сторон лишь постольку, поскольку они действительны и как частные, и как субстанциальные лица, то они достигают в названных сферах частью непосредственно первой, частью второй крайности; первой они достигают, находя своё существование самосознание в учреждениях как в себе сушем *всеобщем* их особенных интересов, второй – в том, что эти учреждения предоставляют им в корпорации занятие и деятельность, направленные на осуществление всеобщей цели» [Там же, с. 290]. Таким образом, без правовой свободы гегелевское государство в его истинном понятии немислимо. С другой стороны, оно как объединение людей под властью единого нравственного законодательства представляет для каждого индивида действительность его всеобщей нравственной свободы в её самостоятельном субстанциональном бытии.

По отношению к частному праву индивидуума на свободные действия государство в его истинном понятии, как полагает Гегель, есть абсолютная самоцель каждого особенного индивидуального самосознания в его свободных действиях, направленных на реализацию всеобщих нравственных законов. Как замечает по этому поводу Э. Вейль, сущность государства у Гегеля «не закон более сильного, не закон благодущия, “природного благородства”, не закон разума, в котором любое разумное существо может узнать свою собственную разумную волю» [1, с. 93]. «Дело в том, что государство – это разум, принявший форму закона, не мистического и трансцендентного закона, но своего закона, своего всеобщего правила частных деяний, это мышление, посвятившее себя чистой разработке принципов свободного существования» [Там же, с. 96].

Принято обычно противопоставлять гегелевское понятие о государстве и кантовское учение о свободно принимаемом в виде высшего принципа долга моральном законе. Однако здесь следует сказать, что необходимый долг самоопределения воли единичного самосознания, сообразно всеобщему нравственному закону, никаким образом не отменяется у Гегеля, напротив, он мыслится как безусловное действительное основание всего существования человека в государстве в виде свободной личности. С другой стороны, кантовское царство целей или система самосознаний, объединенных на основании единого нравственного закона в его третьем определении как идея воли, устанавливающей всеобщие законы, осуществляется, по Гегелю, именно в форме государственного устройства. Само государство должно пониматься при этом не в виде внешнего правового объединения, как полагал Кант, но в виде нравственного целого, состоящего из самосущих личностей под властью субъективно разделяемого и объективно установленного над ними их собственного абсолютного закона.

Конечной целью всего мирового исторического развития у Гегеля выступает не только осуществление мирового божественного разума в наличном бытии, но и осуществление всеобщей свободы каждого индивидуума, познающего самого себя в этом разуме как в своей высшей действительности. Свобода самореализации

каждого индивидуума, сообразно установленному им самим абсолютному закону, выступает в гегелевской философии права конечной целью самого божественного разума в этом мире. Человек приходит через философское познание в этом разуме к всеобщему самосознанию своей свободы в ее действительном бытии. Нравственность в этом смысле, как говорит Гегель, есть божественный дух, живущий во всеобщем самосознании народа и его индивидуумов, воплощенный в форме государства. Нравственный дух как сознающая сама себя субстанциональная воля государства собственно и представляет собой в гегелевской философии полную реализацию и воплощение нравственной божественной субстанции в ее наличном бытии.

Список литературы

1. Вейль Э. Гегель и государство СПб.: Русский Миръ; Владимир Даль, 2009. 288 с.
2. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 3. 452 с.
3. Гегель Г. Философия права. М.: Наука, 1990. 524 с.
4. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «философским крохам». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 680 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.

IDEA OF FREEDOM IN HEGELIAN “PHILOSOPHY OF LAW”

Protopopov Ivan Alekseevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg State University of Aerospace Instrument Engineering
stiff72@mail.ru

The author analyzes the Hegelian conception of freedom, which was put forward in “Philosophy of Law”, reveals that the notion of freedom is not limited to the self-determination of the individual’s will according to Hegel, but is the substantial nature and ultimate goal of universal spirit development in the world history, and shows that the world spirit that embodies itself in the form of the state, does not limit the individual’s freedom, but forms its real basis, enabling its implementation.

Key words and phrases: idea of freedom; spirit; state; ultimate goal of world history; moral substance; universal consciousness.

УДК 37.013.73

Философские науки

В статье дан компаративистский анализ опыта применения гендерной педагогики в российской и шведской системах образования с позиции анализа типологий гендерной идентичности; рассмотрены причины и следствия педагогических стратегий, выстраиваемых с позиции гендера. Основное внимание в статье концентрируется на концепциях гендерной идентичности и их актуализации и трансляции посредством системы образования. Анализ существующего положения позволяет выявить приоритетные направления формируемой гендерной идентичности у обучаемых в России и Швеции.

Ключевые слова и фразы: гендер; гендерная идентичность; гендерная педагогика.

Риккер Юлия Олеговна

Забайкальский государственный университет
yrikker@mail.ru

РОЛЬ ГЕНДЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ[©]

Цель исследования: оценка роли гендерной педагогики в формировании гендерной идентичности молодежи в России и Швеции, приоритетных подходов к пониманию гендерной идентичности в обществе и моделей ее формирования посредством гендерной педагогики.

Термин «гендер», введенный в научный оборот в 1968 г. Робертом Столлером, характеризовал один из концептов дифференциации пола человека. Феномен пола, по его мнению, складывается из пола биологического (sex) и социокультурно конструируемого (gender) как совокупности социальных, культурных и поведенческих характеристик и ролей, определяющих личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины в определенном обществе.

Дифференциация пола человека с позиции дуализма его природы открыла широкие возможности для теоретиков гуманитарных наук. Появление субдисциплин и систем знаний, учитывающих гендерный аспект анализа, позволило получать более точные, гендерно обусловленные, имплицитные данные, ранее опосредованные с позиции андроцентризма.